

Заместитель судьи Сунь Жу прекрасно знал, что в поднебесной вершится великое множество запутанных и темных дел. Силы его были ограничены, так что ему оставалось лишь усердно заботиться о собственной чиновничьей карьере.

Именно поэтому он мастерски умел улавливать скрытый смысл в чужих речах и разгадывать чужие помыслы.

Этот Вэньжэнь Юэ совершенно точно купил свою должность за деньги, связей в столице у него не было, да и прежде он лишь безвылазно сидел в управе, разбирая старые папки с документами. Он ни капли не походил на человека с серьезной сильной опорой за спиной.

Сунь Жу лично наводил о нем справки по всем каналам, и результат неизменно подтверждал:

Вэньжэнь Юэ — идеальный мягкий покладистый фрукт, из которого любой желающий может вить веревки.

Сам Сунь Жу за всю свою жизнь почти не выезжал за пределы уезда Наньтин. Самым высоким чином, которого ему довелось повидать лично, был здешний начальник округа. Что же касается провинциального судьи аньчаши, то, каким бы ушлым и изворотливым ни был заместитель, у него не нашлось бы и малейшего шанса удостоиться аудиенции у столь важной особы.

Однако то, как непринужденно и естественно судья только что поминал господина Цзи, выглядело так, словно он говорил о каком-то старом приятеле, живущем по соседству.

...Неужели у Вэньжэнь Юэ действительно имелись какие-то скрытые таланты и невероятные связи в высших кругах, а сам он до поры до времени просто не высовывался, затаился и ждал подходящего момента, дабы пустить свои козыри в ход?

Пока заместитель пребывал в глубоком изумлении, Лэ Уя смягчил тон и выдал еще одну порцию велеречивых и складных речей.

В итоге Сунь Жу покидал задние покои управы с совершенно затуманенной головой, а в его ушах эхом продолжали звенеть прощальные слова начальника:

— Все, чего ты желаешь, это продвинуться на ступеньку выше по службе. Но если ради этого ты умудришься по глупости загубить собственное будущее, в этом ведь не будет ничего хорошего, верно?

— Из двух тысяч уездов империи я никуда больше не поехал, а явился именно сюда. С чего бы это? Господину заместителю не мешало бы хорошенько поразмыслить над этим.

— Как бы то ни было, трудиться бок о бок с тобой — большая удача для нас. И мне бы очень не

хотелось впустую тратить столь редкое везение.

— Может, мы оба сядем и заново подумаем, нет ли в этом деле куда более изящного решения?

— Ученый Мин фигура незначительная, о нем горевать не стоит. Куда важнее...

Сунь Жу резко замер на месте, словно почувствовав, как Лэ Уя вновь едва заметно коснулся его спины рукоятью веера.

— ...Куда важнее наше с тобой будущее.

Заместитель едва заметно стиснул зубы. Он лихорадочно размышлял, блефует ли этот юнец или же за его словами действительно кроется реальная сила?

Наведя лоск на свое чиновничье платье и придав лицу самый невозмутимый вид, Сунь Жу вскоре объявился у ворот тюрьмы южного района.

Едва он подошел к дверям, как нос к носу столкнулся со смотрителем Чэнь Ваном, который как раз провожал какого-то лекаря.

Чэнь Ван тут же почтительно сложил ладони:

— Господин заместитель.

Сунь Жу небрежно кивнул в ответ и сразу перешел к делу:

— Кто занемог? В застенках что, мор какой начался?

— Да бог с вами, господин заместитель, никакого мора. Всего лишь старуха, мать ученого Мина, — засуетился смотритель.

У Чэнь Вана имелся свой мелкий расчет: он не желал провалить поручение уездного судьи, но и выдавать Сунь Жу тот факт, что теперь всю прислуживает Вэньжэнь Юэ, ему тоже не хотелось. А потому он предпочел умолчать о приказе начальника и приписать всю заслугу себе.

— Если эта карга ненароком протянет ноги в камере, парню терять будет нечего. Он возьмет да и откажется от признания, и тогда у нас прибавится хлопот.

Сунь Жу остался внешне безучастен:

— А ты, я гляжу, дотошный малый.

Вот только обвести себя вокруг пальца он бы не позволил.

Вэньжэнь Юэ наведлся сюда лишь прошлой ночью, и Чэнь Ван тут же притащил лекаря. Наверняка это было личным распоряжением судьи. У этого тюремщика попросту не хватило бы ни ума, ни дерзости на подобное самоуправство.

Заместитель уверенным шагом направился внутрь застенков:

— Когда судья допрашивал ученого Мина, как долго шел их разговор и о чем именно они толковали? Выкладывай все как есть, без утайки.

Чэнь Ван честно ответил:

— Да они и поговорить-то толком не успели.

От этих слов брови Сунь Жу сошлись на переносице еще сильнее. Он резко остановился и обернулся:

— ...Что?

Решив, будто заместитель сердится на него за плохой надзор за начальником, смотритель поспешно принялся оправдываться:

— Судья действительно выставил меня за дверь, однако ничтожный раб неусыпно бдел ради вашего блага, господин заместитель, и не смел отвлекаться. Меня не было от силы времени, пока заваривается одна чашка чая.

Лицо Сунь Жу потемнело от злобы.

За столь ничтожный срок разве можно вывести что-то дельное?

Он решил удостовериться еще раз:

— И этот Мин действительно больше ничего не добавлял?

Чэнь Ван продолжал гнуть свою линию:

— Он и впрямь всю кричал о невинности, но ничтожный раб вовремя подоспел и

прикрикнул на него, так что смутьян не успел наговорить лишнего.

— Приносили ли они в камеру бумагу или кисть с тушью?

Смотритель Чэнь Ван всю ночь не сомкнул глаз, а от этого дотошного допроса его голова и вовсе пошла кругом. Сочинять небылицы у него не было ни сил, ни желания, а потому он выложил чистую правду:

— Нет, ничего такого не было.

И вот теперь Сунь Жу окончательно перестал верить хоть какому-то слову этого проныры.

Та подпись и оттиск пальца на признании совершенно точно были выведены рукой ученого Мина, причем чернила на бумаге едва успели подсохнуть. Не мог же уездный судья притащить с собой в застенки письменный прибор, спрятав его в рукаве.

Сунь Жу был человеком на редкость прагматичным.

Если этот Чэнь Ван так усердно выгораживает Вэньжэнь Юэ да еще и лекаря к арестантам водит, значит, судья успел щедро одарить его монетами.

Его подозрения разгорелись с новой силой, стоило ему подойти ближе к камере ученого Мина и уловить в сыром воздухе едва заметный, горьковатый аромат целебных трав.

Чэнь Ван и понятия не имел, под какой прицел подозрений он угодил.

С его точки зрения, он всего лишь оказал уездному судье мелкую и ни к чему не обязывающую услугу.

И пускай этот пришлый барин не имел в Наньтине никакого веса, а саму службу в управе вел на редкость безвольно и жалко, зато монетами он сорил исправно и не скупился. А для Чэнь Вана это было главным: пока его собственная задница остается в тепле на теплом местечке, можно слегка и поколебаться в сторону начальства, продав ему мелкую услугу, дело-то житейское.

Слегка устыдившись, смотритель поспешно замахал руками, пытаясь развеять по коридору лекарственный запах, после чего подвел Сунь Жу к решетке и бесцеремонно пнул прутья носком сапога:

— Эй, Мин, хорош притворяться мертвецом. Поднимайся.

Вэньжэнь Юэ, запертый внутри чужого израненного тела, медленно открыл глаза.

Пускай умирать прямо сейчас он не собирался, однако плоть его оставалась истощенной до предела. Стоило ему сделать глубокий вдох, как легкие забило гнилостным, сырым тюремным воздухом, и парень зашелся в тяжелом, надрывном кашле.

Сунь Жу мрачно уставился на него сверху вниз:

— Мин Сянчжао, о чем именно ты вчера толковал с господином судьей?

Вэньжэнь Юэ недоуменно приподнял брови.

Тот господин строго-настрого наказал ему: что бы у него ни спрашивали посторонние, он не должен произносить ни единого слова.

И это пришлось как нельзя кстати, ведь он и сам понятия не имел, что отвечать.

А потому он лишь продолжал тяжело дышать, упорно храня молчание.

Сунь Жу повысил голос и яростно прикрикнул:

— Отвечай!

Вэньжэнь Юэ сощурил глаза, бесстрастно провел по нему взглядом и снова прикрыл веки.

Каким бы жалким и бесправным ни казалось его прежнее судебское положение, он все же успел побывать начальником этого человека, а потому не собирался пугаться мелкого чинуши, который лишь напускал на себя грозный вид.

Заметив в его поведении былую гордость и полное отсутствие прежнего страха, Сунь Жу лишь сильнее укрепился в своей догадке: Лэ Уя совершенно точно успел скормить парню какую-то успокоительную пиллюлю.

Эти двое явно спелись и действовали заодно!

Он опустил на корточки перед решеткой и зловеще процедил:

— Ученый Мин, неужто тебя совсем не заботит жизнь и безопасность твоей престарелой матери?

Вэньжэнь Юэ знал, что этот человек подл и бесстыден, однако услышать подобную неприкрытую угрозу прямо в лицо, будучи главным участником событий, оказалось потрясением совсем иного рода.

Он резко распахнул глаза, и в его взгляде промелькнул редкий для него яростный, карающий огонь.

Ему до смерти хотелось обозвать подлеца бесчестной тварью, но, вспомнив указания своего наставника, он послушно прикусил язык и не проронил ни звука.

Сунь Жу замер в оцепенении.

Здесь совершенно точно творилось нечто неладное.

Однако эта внезапная перемена в поведении ученого Мина, который теперь держался уверенно, точно твердо знающий свое дело прожженный каторжанин, полностью связала Сунь Жу руки.

Он прибегал к угрозам и уловкам лишь ради того, чтобы заставить Мина переписать те злополучные показания.

Но стоило теперь допустить оплошность, и если старуха Мин действительно испустит дух, этот книжник возненавидит его всей душой. Чего доброго, он послушается приказов Лэ Уя и впишет в дело еще парочку имен, и кто поручится, что следующим под удар не попадет сам Сунь Жу?

Если же надавить на самого ученого Мина, то его и без того израненное тело, едва удерживающее остатки жизни, может попросту не выдержать. И если парень протянет ноги, его нынешнее признание, как и говорил уездный судья, превратится в окончательное посмертное свидетельство, опровергнуть которое будет уже невозможно.

В этот момент Сунь Жу напоминал тигра, который пытается укунить небо и ярость кипит, а ухватиться не за что.

Пребывая в глубоком унынии, он покинул застенки и бросил короткий взгляд на заискивающе улыбающегося Чэнь Ванна:

— Ты...

Смотритель тут же согнулся в поклоне:

— Я слушаю вас, господин заместитель.

Сунь Жу хотел было намекнуть ему парой фраз, дабы тот четко понимал, чью сторону выгодно занимать, однако в последний момент передумал и проглотил слова.

Чэнь Ван хоть и числился человеком богача Чэня, но никто не мог гарантировать, что Лэ Уя не успел подкупить его еще раньше.

С такими слугами, что кормятся сразу у двух господ, следовало держать ухо востро. Стоит обронить лишнее слово, и этот проныра либо побежит трепать языком перед Лэ Уя, либо настроит донос самому богачу Чэню, что в обоих случаях не сулило ничего хорошего.

К тому же, ученому Мину сейчас действительно нельзя было умирать.

А потому он негромко напутствовал смотрящего:

— Смотри, чтобы эти мать и сын оставались живы.

Это распоряжение точь-в-точь совпало с приказом уездного судьи.

Чэнь Ван, который до этого момента втихомолку изнывал от за завязавшегося узла сомнений, чьи приказы выполнять — судьи или его заместителя, теперь наконец-то облегченно выдохнул и громко отозвался:

— Будет исполнено!

Сунь Жу не стал возвращаться в уездную управу, а напрямик направился в поместье богача Чэня.

Хозяин дома был изрядно удивлен, увидев, что заместитель судьи, гостивший у него вчерашним вечером, снова явился к нему на порог с самого утра.

До прихода гостя господин Чэнь как раз увлеченно тренировался в каллиграфии. Выслушав доклад слуг, он отложил кисть и поспешил навстречу, приветственно сложив ладони:

— Господин заместитель, простите, что не встретил вас у ворот. Раз уж судебных заседаний сегодня не предвидится, не велите ли согреть для нас кувшин крепкого вина?

Сунь Жу был человеком прожженным. Он мгновенно нацепил на лицо маску абсолютного спокойствия и обменялся с хозяином парочкой дежурных светских любезностей. Заметив это, господин Чэнь немного расслабился и с улыбкой произнес:

— А я-то, грешным делом, подумал, будто господин заместитель примчался в такую рань из-за

каких-то непредвиденных осложнений в деле ученого Мина.

Сунь Жу опустился на стул и произнес:

— Речь и впрямь идет о его деле.

— Вот как?

— Дело уездного ученого Мина после отправки неизбежно пойдет по всем инстанциям: уезд, округ, управа, палата провинциального судьи. Нет ли у вас на этом пути надежного человека, через которого можно замолвить словечко и поднести дары, дабы все прошло гладко? Особенно если говорить о господине Цзи...

Едва услышав это, богач Чэнь слегка погладил бороду и негромко рассмеялся:

— Так вот о чем сокрушается заместитель Сунь.

Сунь Жу скрывать мысли не стал:

— Не обессудьте, почтенный Чэнь. Мне еще не доводилось вести столь крупные дела, оттого и хочется, чтобы комар носа не подточил.

— Ни к чему это, не нужно мудрить, дабы не навлечь беду. Просто отправь признание, улики и материалы дела скопом наверх, — богачу Чэню явно не понравилось, что его оторвали от каллиграфии, и хотя в его голосе проскользнуло раздражение, он постарался успокоить гостя. — Господин Цзи... хм, этот человек слишком чист и благороден. Чем усерднее вы станете задабривать его монетами, тем сильнее он учует неладное и непременно велит устроить дотошную проверку.

Заместитель судьи изумился:

— Неужто? Вы знакомы с господином Цзи?

Богач Чэнь со всей надменностью процедил:

— Один из моих бывших сокурсников сдавал с ним высшие экзамены в один год. Сам я его в глаза не видел, лишь слышал кое-какие сплетни.

Сунь Жу вздохнул:

— Неужто в поднебесной и впрямь существуют неберущие чиновники? Если их не прельщают

монеты, то они хотя бы должны радеть о честном имени.

— Бог ведает. Однако сокурсник как-то за чаркой вина поминал, будто этот Цзи Ин до безумия обожает бамбук и вечно равняет себя с этим растением. Если тебе так не терпится сделать ему подношение, то, когда эта буря уляжется, вели высадить побольше бамбуковых рощ. Посмотрим, соизволит ли этот важный чин приехать в Наньтин на весеннюю прогулку.

Сунь Жу на мгновение осекся, а затем всплеснул руками и вымученно рассмеялся:

— Ну уж нет, избавь бог. Уголовные дела — сплошная головная боль. Стоит ввязаться в это разок-другой, и хватит. Нам куда выгоднее жить в свое удовольствие, подальше от взора этого грозного судьи.

Обменявшись еще парочкой дежурных любезностей, Сунь Жу откланялся и пешком направился обратно в управу.

Улицы городка уже вовсю бурлили жизнью, и знакомые торговцы то и дело приветствовали его.

Заместитель отвечал им невпопад, бредя сквозь гомонящую толпу и заложив руки за спину.

И чем дальше он шел, тем сильнее его сердце ухало в бездну.

Теперь он отчетливо понимал: все это хитрый капкан, состряпанный Вэньжэнь Юэ.

В прошлый раз сам Сунь Жу пошел в атаку и заключил союз с богачом Чэнем, дабы убрать с дороги путающегося под ногами ученого Мина.

Однако начальник нанес ответный удар такой силы, что заместитель сам оказался втянут в это змеиное кубло.

Сунь Жу никак не мог взять в толк, с какой стати этот безвольный барин вдруг решился на столь яростный выпад. Мало того что он за одну ночь полностью перевернул доску, так еще и умудрился намертво прижать заместительскую шею к полу через это уголовное дело.

Сам Сунь Жу прекрасно отдавал себе отчет в том, что талантами бог его обделил. Не будь это так, он бы не просидел на должности заместителя больше десяти лет, топчась на одном и том же месте.

Он пошел на сделку с совестью и вместе с богачом Чэнем состряпал фальшивое обвинение лишь ради того, чтобы ухватиться за эту влиятельную опору.

У богача Чэня связи были обширными, и если бы Сунь Жу удалось поймать этот попутный ветер, дабы продвинуться по службе хотя бы на полшага, предел его мечтаний был бы достигнут.

Однако уездный судья твердо вознамерился обелить имя ученого Мина, и первый же его ход оказался сокрушительным и беспощадным.

Если покойного наставника действительно обольют грязью, то карьере Сунь Жу...

Прямо посреди залитой солнцем улицы Сунь Жу замер на месте, уставился на серое осеннее небо и содрогнулся от пронзительного холода.

В политических играх власть всегда стоит на первом месте, а хитрость — лишь на втором. Сила покровителей — вот твой единственный купол небес.

И если этого купола над тобой нет, то сколько бы каверз ты ни плел, все это окажется тщетно.

Когда Сунь Жу вернулся в уездную управу, в его руках была зажата оберточная бумага с порцией горячих, только что из печи лакомств. Он сразу отправился на поиски начальника, однако в его покоях было пусто.

Слова буквально распирали его грудь, паника лишала покоя. Колеся по коридорам управы и то и дело расспрашивая слуг, он наконец разузнал, что судью видели возле восточного павильона, и со всех ног бросился туда.

Едва добежав до места, он застал Лэ Уя за веселой забавой: тот в одиночестве играл в тоуху*, как раз заканчивая партию, и теперь неторопливо вытаскивал стрелы из кувшина с двумя ручками.

ПП: старинная китайская традиционная игра, в которой участники соревнуются в точности, забрасывая стрелы в узкое горлышко специального сосуда или вазы.

Лэ Уя с юных лет обожал верховую езду и стрельбу из лука. А когда в прошлой жизни его немощное тело лишилось сил натягивать тугой лук, он пристрастился к тоуху. Лишь в последние годы, когда глаза его стали слепнуть, ему приходилось метать стрелы вслепую, обдумывая на ходу государственные дела ради дежурной забавы.

Он уже очень давно не предавался этой игре с таким упоением. На душе у него было радостно, с лица не сходила лукавая усмешка, а голос прозвучал на удивление легко и задорно:

— О, господин заместитель вернулся.

Сунь Жу и впрямь умел, когда нужно, склонять голову. Он вел себя так, словно между ними никогда не пробежала черная кошка. Приподняв сверток со сладостями, он с улыбкой произнес:

— Судья, я рассудил, что за чтением книг вам непременно захочется перекусить, вот и купил по дороге угощение. Не знаю лишь, придется ли оно вам по вкусу.

Лэ Уя выудил из кувшина очередную стрелу и плавным, залихватским движением заставил ее сделать несколько быстрых оборотов прямо на ладони:

— Я уже всю книгу до конца прочел. Если господин заместитель впредь вздумает заискивать передо мной, пускай приходит пораньше.

Этому нехитрому фокусу со стрелой он в прошлой жизни учился долго и упорно, и делал это ради одной-единственной цели — похвастаться перед конкретным человеком.

Созерцая, как начальник беззаботно предается мирским утехам, Сунь Жу ощутил себя крайне нелепо, словно своим приходом портил всю картину.

За те полгода, что он вел дела с Вэньжэнь Юэ, ему еще никогда не приходилось чувствовать себя настолько жалко и беспомощно.

Он замер, покорно опустив руки и судорожно подбирая слова для начала разговора, когда увлеченный стрелами судья небрежно бросил:

— Ну что, каждую мою догадку ты уже успел дотошно проверить на собственной шкуре?

У Сунь Жу от этих слов мороз пробежал по коже. Возразить он не посмел, а потому просто согнулся в глубоком, нижайшем поклоне:

— Я во всем покоряюсь вашей воле. Прошу вас, судья, даруйте мне свое мудрое наставление.

Лэ Уя украдкой, уголком глаза, провел по нему насмешливым взглядом:

— Я ведь еще слишком молод, откуда у меня возьмутся ума-разума наставления для самого господина... за... мес... ти... те... ля?

Сунь Жу не смел проронить ни слова и не отваживался выпрямиться. Он так и застыл в покорном глубоком поклоне.

Лэ Уя вдоволь натешился игрой. Его запястье едва заметно дрогнуло, и стрела со звонким стуком безошибочно влетела в левое ушко кувшина.

Он спросил:

— Откуда на самом деле растут корни у дела ученого Мина, тебе ведь прекрасно известно, не так ли?

Сунь Жу не сдержался и судорожно выдохнул сквозь зубы.

Этому проныре хватило одной-единственной фразы начальника, чтобы все окончательно встало на свои места.

Подавляя подступивший к горлу ужас, заместитель выпрямился и попытался прикинуться дураком:

— Судья, о чем именно вы толкуете?

Лэ Уя отвечать не стал, лишь продолжал с хитрецей и улыбкой разглядывать его в упор.

Сунь Жу под этим пристальным взглядом окончательно занервничал, а потому предпочел высказаться чуть яснее:

— Должно быть, ученый Мин из-за своего спесивого нрава попросту умудрился насолить какому-то влиятельному человеку.

— Вот именно, — Лэ Уя выудил еще одну стрелу и задумчиво уставился на ее наконечник. — Угольное дело — промысел опасный, и несчастные случаи на рудниках происходят сплошь и рядом. И если кто-то намертво вцепляется в эту историю, перекрывая людям дорогу к богатству, это действительно может изрядно раздражать. Вот только обвинение в мятеже — это уж слишком. За такое полагается плаха и истребление всего рода, а на плечи ученого Мина подобный грех никак не налезет.

С этими словами он слегка склонил голову набок:

— Так как ты считаешь, заместитель, то следствие было проведено безупречно?

Сунь Жу выдавил вымученную усмешку.

Он внезапно осознал, что его расчеты снова пошли прахом.

Прежде он полагал, будто судья ополчился лично на него, желая наглядно продемонстрировать, чье слово в Наньтине отныне имеет реальную силу.

Однако у начальника явно имелся совершенно иной, скрытый умысел.

Заместитель аккуратно прощупал почву:

— Судья имеет в виду гибель Чан Сяоху, что стряслась полгода назад? Но ведь по тому делу уже вынесен официальный вердикт — несчастный случай.

Лэ Уя метнул очередную стрелу.

Она пролетела без промаха и вонзилась точно в правое ушко кувшина.

Он сокрушенно вздохнул:

— Заместитель, ты совершенно не желаешь понять мои истинные чаяния.

Сунь Жу окончательно запаниковал:

— Ваш покорный слуга оказался слишком глуп и недогадлив.

Лэ Уя рассмеялся.

Он повернулся к Сунь Жу, завел руку со стрелой за спину, а другой небрежно указал на пожухлые и голые зимние заросли вокруг:

— Господин заместитель, посмотри вокруг. Я специально выбрал это благодатное место: здесь и мыши негде укрыться, так что ни одна живая душа не сумеет подслушать наш разговор. Раз уж мы остались наедине, прекращай валять дурака.

— ...Отныне мне нужно, чтобы дело о гибели Чан Сяоху перестало считаться несчастным случаем.

<http://bllate.org/book/18193/1759519>